This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

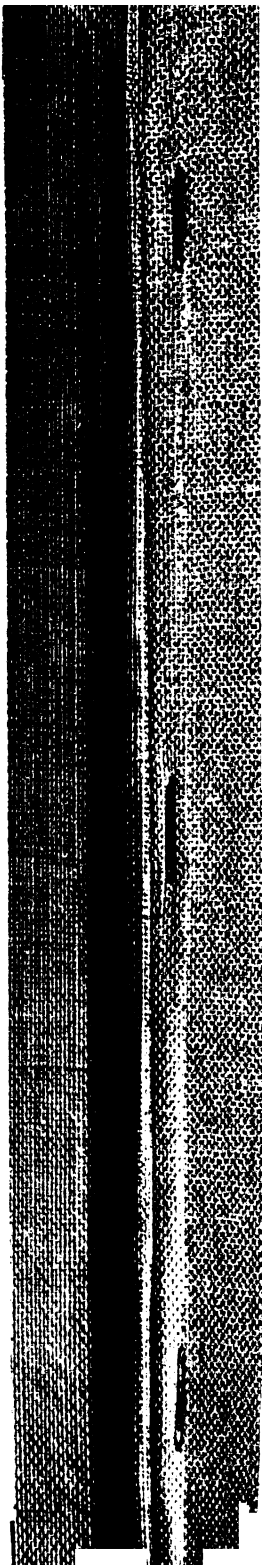
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

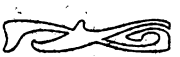


С. Мельгуновъ.

Великій подвижникъ

ПРОТОПОПЪ

Аввакумъ.



ИЗДАНІЕ
Т-ва И. Д. Сытина.

Цѣна 5 коп.

С. Мельгуновъ.

Melgunov, Sergei P.

Великій подвижникъ

протопопъ Аввакумъ.

ИЗДАНІЕ
Т-ВА И. Д. СЫТИНА.

BX
605
.A8
M52

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой д.
МОСКВА.—1907 г.

Ref. St.
Kramer
11-8-50
72536

ВЕЛИКІЙ ПОДВИЖНИКЪ

ПРОТОПОПЪ АВВАКУМЪ.

Великій подвижникъ.

«Чюдо, какъ-то въ познаніе не хотятъ придти! Огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицей хотятъ вѣру утвердить! Которые-то апостолы научили такъ? Не знаю. Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицей въ вѣру приводитъ!»

Такъ писалъ въ своемъ «Житіи» протопопъ Аввакумъ. Двѣсти пятьдесятъ лѣтъ назадъ, когда даже въ Западной Европѣ еще пылали костры инквизиціи*) и на висѣлицахъ и плахахъ гибли невинныя жертвы религіозной нетерпимости, великій вождь старообрядчества выступилъ проповѣдникомъ свободы человѣческой мысли. Онъ одинъ изъ первыхъ началъ ратовать противъ грубаго насилія надъ человѣческой совѣстью, которое творилось именемъ Христа; онъ первый провозгласилъ въ Россіи вѣротерпимость.

Протопопъ Аввакумъ — «богатырь протопопъ», какъ назвалъ его знаменитый нашъ историкъ Соловьевъ, жилъ въ XVII вѣкѣ, когда человѣческая мысль не дошла еще до великаго

*) Верховное судилище по дѣламъ вѣры.

сознанія, что вѣру нельзя проповѣдывать насиліемъ. Онъ жилъ въ самое мрачное время гоненій въ Россіи на тѣхъ, кто не былъ согласенъ съ государственной церковью, и самъ сдѣлался жертвою господствующаго насилія. Но своей мученической смертью на кострѣ великій борецъ за вѣру доказалъ правоту своихъ убѣжденій. Прошло двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, ужасныхъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, когда людей за ихъ вѣру подвергали самымъ жестокимъ преслѣдованіямъ, кровавымъ пыткамъ и казнямъ, — и въ Россіи провозглашена нынѣ свобода совѣсти. Вѣковыя гоненія доказали невозможность «утвердить вѣру» кнутомъ и висѣлицею, и въ жизни, наконецъ, осуществилось то, чего такъ желалъ Аввакумъ.

Выступить проповѣдникомъ вѣротерпимости въ XVII вѣкѣ, когда вся окружающая среда не благопріятствовала этому, когда всѣ люди были слишкомъ чужды такой мысли, могъ только выдающійся человѣкъ. И такимъ для своего времени былъ протопопъ Аввакумъ. Эта замѣчательная личность должна была занять одно изъ первыхъ мѣстъ среди своихъ современниковъ. И какъ разъ протопопу Аввакуму пришлось жить въ тяжелое для Руси время, когда весь русскій народъ распался на двѣ половины изъ-за несогласія въ вопросахъ вѣры, когда защитники старины подверглись гоненіямъ со стороны правительства, когда они должны были

проявить безконечное мужество и геройство въ борьбѣ за свои религіозныя убѣжденія. Какъ бы сама судьба поставила во главѣ этой борьбы богатыря—протопопа, отличавшагося непреклонной желѣзной волей и горячей вѣрой. Вся долгая шестидесятилѣтняя жизнь Аввакума представляетъ собою сплошной подвигъ, неустанную борьбу и непрерывныя страданія за тѣ идеи*), которыя онъ проповѣдывалъ, за ту «правду», во имя которой онъ погибъ мученической смертью.

I.

Аввакумъ родился около 1620 года. Его малые годы протекли въ захолустномъ мѣстечкѣ въ с. Григоровѣ, въ нынѣшнемъ Княгининскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, гдѣ отецъ его былъ сельскимъ священникомъ. Съ дѣтства онъ сталъ проявлять страстную любовь къ чтенію; онъ изучилъ Св. Писаніе, изучилъ творенія отцовъ Церкви, однимъ словомъ, прочиталъ и усвоилъ все то, что только было доступно тогда русскому грамотному человѣку. Вдумчиво наблюдая окружающую жизнь, давая отчетъ въ каждомъ своемъ поступкѣ, въ каждой своей мысли, Аввакумъ съ презрѣніемъ сталъ относиться къ міру и къ царящей въ немъ грѣховности. Посвящая все время молитвѣ и религіознымъ размышленіямъ, Аввакумъ сталъ смот-

*) Мысли.

рѣть на свою жизнь, какъ на суровое подвижничество, какъ на борьбу съ искушеніями плоти. Не удаляться въ монашество отъ суетнаго міра, а итти въ этотъ міръ и бороться съ его соблазнами, поддерживать слабыхъ и имъ помочь спастись отъ грѣха—вотъ призваніе истиннаго христіанина. И Аввакумъ, въ 23 года сдѣлавшись священникомъ въ с. Лопатицахъ, со всей пылкостью своей души, со всѣмъ жаромъ своей впечатлительной натуры, отдался своему новому служенію. Онъ высоко ставилъ свой санъ учителя народа. Являя самъ образецъ чисто нравственной жизни, съ безпощадной суровостью карая малѣйшія слабости своей грѣховной плоти (простаивая ночи въ слезахъ на молитвѣ, кладя тысячи поклоновъ, Аввакумъ въ самоистязаніи доходилъ до того, что жегъ на огнѣ свою руку, чтобъ убить тѣ желанія, которыя считалъ грѣховными) — Аввакумъ также строго относился къ своей паствѣ и не останавливался ни передъ чѣмъ, обличая нравственную распущенность. Обладая удивительнымъ даромъ рѣчи, горячо и страстно поучая своихъ духовныхъ дѣтей, молодой проповѣдникъ скоро пріобрѣлъ огромную славу въ своемъ округѣ. Къ нему со всѣхъ сторонъ стекались больные тѣломъ и душою за исцѣленіемъ. Въ силу его молитвъ вѣрили, какъ въ цѣлебное средство. И Аввакумъ каждому приходилъ на помощь словомъ и дѣломъ. Однако его открытыя обли-

ченія неправды, его суровыя требованія нравственной жизни пріобрѣли ему и не мало враговъ. Находились и такіе, которые роптали на пастыря. Для Аввакума не было различія между богатыми и бѣдными, знатными и не знатными. Онъ осуждалъ всякаго виновнаго, и за это вскорѣ ему пришлось пострадать. Онъ обличилъ мѣстнаго начальника. Тотъ самъ избилъ Аввакума, «руку изгрызъ зубами», хотѣлъ застрѣлить его, въ ризахъ волочилъ его за ноги по землѣ, подговорилъ недовольныхъ прихожанъ избить Аввакума, наконецъ отнялъ у него все имущество и выгналъ изъ села. И пришлось Аввакуму съ женой и только-что родившимся сыномъ безъ куска хлѣба итти въ Москву искать себѣ защиты.

Друзья здѣсь выхлопотали ему царскую грамоту, снова утверждавшую его въ санѣ приходскаго священника въ Лопатицахъ. Вернулся Аввакумъ, и опять жизнь его потекла по-старому. Снова онъ обличалъ, снова пріобрѣлъ уваженіе, любовь—у однихъ, ненависть—у другихъ. Вновь столкнулся онъ со знатнымъ бояриномъ Шереметевымъ, который, разсердившись, приказалъ смѣлаго обличителя бросить въ рѣку. На Руси тогда на начальство и знатнаго управу найти было трудно. Еще разъ пришлось Аввакуму собраться въ Москву, откуда его назначили протопопомъ въ г. Юрьевецъ на Волгѣ. Но не долго пришлось прожить протопопу на новомъ мѣстѣ. Суровыя обличенія и здѣсь вызвали возму-

щенія. Онъ долженъ былъ тайно бѣжать въ Москву, и тогда началась новая жизнь для Аввакума.

II.

Въ Москвѣ въ это время среди духовенства, около царскаго духовника Вонифатьева и протопопа Казанскаго собора Ивана Неронова, образовался кружокъ ревнителей вѣры. Отличаясь сами благочестіемъ и строгостью жизни, члены кружка мечтали заняться церковными исправленіями, устранить недостатки, которые существовали въ церковной жизни, и своимъ примѣромъ поднять вѣру въ массѣ населенія.

Къ этому кружку и присталъ Аввакумъ. Онъ нашелъ здѣсь то, къ чему стремился всю свою жизнь, что составляло цѣль всей его дѣятельности. Аввакумъ сталъ проповѣдывать въ столицѣ. Своими «огненными» рѣчами, своимъ строгимъ подвижничествомъ онъ пріобрѣлъ здѣсь славу перваго церковнаго проповѣдника. Кружокъ пользовался большимъ вліяніемъ при дворѣ, такъ что самые знатные и сильные люди заискивали дружбы членовъ кружка. Самъ Никонъ—будущій патріархъ—дружилъ съ ними. Однако положеніе скоро измѣнилось. Съ помощью своихъ друзей въ кружкѣ Никонъ сдѣлался патріархомъ. Крутой, самолюбивый и са-

мовластный патріархъ, получивъ власть, не захотѣлъ подчиняться кружку; онъ захотѣлъ вести дѣло церковныхъ исправленій самъ и разошелся со своими друзьями. Разошедшись съ друзьями, Никонъ попалъ подъ вліяніе грековъ и сталъ, слѣпо слѣдуя совѣтамъ грековъ и малорусскихъ, кіевскихъ ученыхъ, исправлять церковные обряды и книги по греческому образцу. Тогда кружокъ—бывшіе друзья Никона, горячо отстаивая вообще церковныя преобразованія, выступилъ въ защиту старой вѣры и противъ новшествъ Никона. Между патріархомъ и видными членами кружка началась борьба. Для такой роли наиболѣе былъ пригоденъ Аввакумъ. Въ то время какъ другіе подъ вліяніемъ гоненія ослабѣвали, готовы были итти на уступки, Аввакумъ поддерживалъ ихъ своимъ вдохновленнымъ словомъ и своимъ примѣромъ.

«Видимъ, яко зима хощетъ быти: сердце озябло и ноги задрожали», — писалъ Аввакумъ, и онъ открыто выступилъ съ осужденіемъ распоряженій патріарха Никона. Но Никонъ не хотѣлъ уступить, ему не было дѣла до того, что своими мѣрами онъ вводитъ разладъ среди всего русскаго народа.

Такіе противники, какъ Аввакумъ, были для Никона слишкомъ опасны. Патріархъ рѣшилъ крутыми мѣрами, силою, смирить непокорныхъ. И вотъ на головы противниковъ обрушились суровыя кары. Нероновъ былъ отправленъ въ

ссылку въ Вологду, пострадали и другіе. Наиболѣе умѣренные, испугавшись окончательнаго разрыва съ главою русской Церкви, готовы были итти на уступки. Но не таковъ былъ Аввакумъ. Онъ считалъ себя правымъ и скорѣе согласенъ былъ итти на всѣ страданія, претерпѣть какія угодно мученія, чѣмъ отступиться отъ праваго дѣла. Онъ сдѣлался главою протестующихъ и еще съ большимъ рвеніемъ, еще съ большей горячностью обрушился на Никона. За это вскорѣ и его постигла кара.

13 августа 1653 года, когда Аввакумъ находился на всенощномъ бдѣніи, онъ былъ арестованъ и отвезенъ на патріаршій дворъ, гдѣ его приковали на цѣпь и такъ продержали до утра. Утромъ, все еще съ цѣпью на шеѣ, его посадили на телѣгу, отвезли въ Андроньевъ монастырь и тамъ приковали вновь на цѣпь въ темномъ погребѣ. Три дня и три ночи держали здѣсь Аввакума безъ пищи и воды, затѣмъ начались увѣщанія со стороны монастырскихъ властей; они требовали, чтобъ Аввакумъ изъявилъ покорность патріарху.

«Въ церкви за волосы дерутъ» — вспоминалъ впослѣдствіи Аввакумъ — «и подъ бока толкаютъ, и въ глаза плюютъ».

Четыре недѣли провелъ Аввакумъ въ такомъ искусѣ, но перенесенныя истязанія не могли, конечно, сломить желѣзной воли богатыря-протопопа. Никонъ, видя, что такимъ путемъ ему

Боярыня Морозова посѣщаетъ въ заключеніи Аввакума.

не удастся сломить сильнаго духомъ противника, рѣшилъ лишить его сана и отправить въ ссылку. Только личныя просьбы царя Алексѣя Михайловича, горячо любившаго и уважавшаго Аввакума за его подвижническій характеръ, принудили Никона ограничиться одной ссылкой— Аввакума отправили въ Тобольскъ.

Тринадцать недѣль везли сосланнаго протопопа до Тобольска, и не мало лишеній и нуждъ пришлось ему вытерпѣть въ этомъ длинномъ пути. Но что были эти лишенія предъ тѣми страданіями, которыя еще предстояли Аввакуму на его тернистомъ жизненномъ пути!

III.

Ссылка не прекратила, а лишь расширила дѣятельность протопопа.

Вмѣстѣ съ Аввакумомъ въ далекую Сибирь впервые проникла вѣсть о волненіяхъ, происшедшихъ въ русской Церкви. Аввакумъ явился, какъ страдалецъ за вѣру, и потому его проповѣдь, страстныя обличенія Никона, должны были въ Тобольскѣ производить еще большее впечатлѣніе, чѣмъ въ Москвѣ. Не только въ самомъ городѣ, но и далеко въ окрестностяхъ разнеслась слава о великомъ проповѣдникѣ. Народъ толпами бѣжалъ къ нему. Если нѣкоторыхъ пугала строгость Аввакума, то другихъ, напротивъ, она привлекала. Ученики Аввакума,

а число ихъ съ каждымъ днемъ возрастало, видѣли, что подъ видимой суровостью Аввакума кроется нѣжное, любящее сердце.

Однако на протопопа пошли жалобы, и вскорѣ слухи объ успѣхахъ его проповѣди дошли до Москвы. Отсюда присланъ былъ указъ—ѣхать Аввакуму еще въ болѣе далекую ссылку, на Лену. Поѣхалъ Аввакумъ, доѣхалъ до Енисейска, какъ полученъ былъ новый приказъ — отправляться ему въ Даурію *) подъ начальствомъ воеводы Пашкова, съ военнымъ отрядомъ.

Тяжелое началось время для Аввакума. Пашковъ былъ жестокій, грубый и невѣжественный человѣкъ. «Суровъ человѣкъ, — говорилъ о немъ Аввакумъ,—безпрестанно людей жжетъ и мучитъ и бьетъ». И такому человѣку было поручено строго наблюдать за Аввакумомъ и «мучить» его. Столкновенія между Аввакумомъ и воеводой были неизбѣжны. Искренній протопопъ открыто выступилъ съ обличеніями своего начальника въ злоупотребленіяхъ и насиліяхъ. Онъ возсталъ противъ казней, плетей, кнутовъ и пытокъ, которымъ Пашковъ подвергалъ своихъ подчиненныхъ. Увѣщанія Аввакума лишь раздражали Пашкова, и скоро протопопу лично на себѣ пришлось испытать крутой нравъ воеводы. Рѣшивъ усмирить дерзкаго ослушника, Пашковъ отнялъ у Аввакума дощаникъ, заставилъ всю дорогу итти берегомъ пѣшкомъ по горамъ.

*) Тепершняя Забайкальская область.

«О горе стало!» — разсказываетъ Аввакумъ. «Горы высокія, дебри непроходимыя; утесъ каменный, яко стѣна стоитъ, и поглядѣть—заломя-голову».

Но Аввакумъ не унимался и написалъ даже цѣлое посланіе Пашкову—«малое писанейцо», по поводу его насилій. Послалъ Пашковъ казаковъ за Аввакумомъ съ приказомъ привести къ себѣ непокорнаго протопопа.

«А се бѣгутъ, — вспоминаетъ Аввакумъ въ своемъ «Житіи»,—человѣкъ съ пятьдесятъ: взяли мой дощаникъ и помчали къ нему, — версты три отъ него стоялъ. Я казакамъ каши наварилъ, да кормлю ихъ: и они, бѣдные, и ѣдятъ, и дрожатъ, а иные плачутъ, глядя на меня, жалѣютъ по мнѣ. Привели дощаникъ, взяли меня палачи передъ него: онъ со шпагой стоитъ, дрожитъ... Онъ же рыкнулъ, яко дикій звѣрь, и ударилъ меня по щекѣ, тоже по другой, и паки въ голову, и сбилъ меня съ ногъ, и, чеканъ ухватя, лежачаго по спинѣ ударилъ трижды, и, разболокши, по той же спинѣ семьдесятъ два удара кнутомъ... Такъ горько ему, что не говорю: пощади! И онъ велѣлъ паки бить по бокамъ... Сковали руки и ноги и бросили въ барку. Осень была, дождь на меня шелъ, всю нощь подъ капелію лежалъ».

Такъ всю остальную дорогу скованнымъ и везли Аввакума. Прибылъ отрядъ Пашкова къ Братскому острогу и расположился здѣсь зимовать.

Аввакума посадили въ холодную тюрьму, и только въ половинѣ ноября воевода позволилъ перевести протопопа въ теплую избу, гдѣ и продолжали его держать, какъ преступника, въ оковахъ «съ собаками». Такъ прошла вся зима. Съ началомъ весны отрядъ Пашкова тронулся въ дальнѣйшій путь. Съ Аввакума сняли оковы и позволили соединиться съ семьей, но зато Пашковъ заставилъ протопопа исполнять всю черную работу совмѣстно съ казаками: онъ долженъ былъ тянуть лямкою суда. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, появилось еще новое несчастіе. Въ отрядѣ Пашкова нехватило хлѣба. Началась жестокая нужда, которая не коснулась лишь самого воеводы, у котораго «казачьими трудами» всего запасено было достаточно. Особенно плохо пришлось Аввакуму: ему надо было заботиться не столько о себѣ, какъ о своей семьѣ, а Пашковъ отнялъ у него все его имущество.

«Стало нечего ѣсть, — пишетъ Аввакумъ, — люди учали съ голода мереть и отъ работныя водяныя бродни. Рѣка мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большія, батоги суковатые, пытки жестокія — огонь да встряска — люди голодные: лишь станутъ мучить, оно и умретъ».

Пришлось протопопу съ женой питаться травами и сосновой корой вмѣсто хлѣба и «волею и неволей причастными быти кобыльимъ и мертвечимъ звѣринымъ и птичьимъ мясамъ». Но

ни голодъ, ни пытки, ни мученія воеводы не могли сломить мужества Аввакума. Нападали и на него минуты слабости, когда онъ видѣлъ тѣ испытанія, которыя ради него претерпѣваетъ его семья, когда на его жену, мужественную женщину, раздѣлившую всѣ горести и страданія протопопа, нападало уныніе — въ такихъ случаяхъ Аввакумъ, истощенный мученіями Пашкова, готовъ былъ просить пощады. Но такія минуты слабости бывали рѣдки, и съ тѣмъ большимъ рвеніемъ нападалъ онъ потомъ на безззаконныя дѣйствія воеводы.

IV.

Такъ протекло пять лѣтъ, пять долгихъ лѣтъ сплошныхъ мученій и страданій въ отрядѣ Пашкова. Казалось, всему этому не будетъ конца... Но неожиданно въ началѣ 1661 года прибылъ къ Пашкову указъ о возвращеніи опальнаго протопопа въ столицу. Чѣмъ надо было объяснить неожиданное возвращеніе въ Москву послѣ десятилѣтняго изгнанія,—въ далекой Даурiи этого не знали. Поэтому Аввакумъ могъ рѣшить, что возвращеніе изъ ссылки означаетъ побѣду того дѣла, за которое онъ боролся.

Съ легкимъ сердцемъ и радостью, преисполненный надеждъ и вѣрою въ будущее, возвращался Аввакумъ. Но недолго онъ могъ предаваться

своимъ радостнымъ помысламъ. Миновалъ онъ инородческія земли, доѣхалъ до первыхъ русскихъ городовъ и узналъ, что въ Москвѣ все обстоитъ по-старому, такъ же продолжаются гоненія за вѣру, попрежнему никоніане стоятъ у власти. Тяжелое раздумье напало тогда на протопопа. Передъ нимъ открывалась новая борьба, быть-можетъ, еще худшія бѣдствія для его жены и дѣтей, которыя только что избавились отъ мученій и думали, что ихъ страданіямъ наступилъ конецъ. Онъ могъ воспользоваться теперь своей свободой, поселиться гдѣ-нибудь вдали отъ искушеній и бѣдствій міра и въ покоѣ дожить свою многострадальную жизнь, думая лишь о своемъ спасеніи. Какъ быть? Продолжать свою обличительную проповѣдь или нѣтъ?

— Жена, что сотворю?—въ мучительной тоскѣ обращался Аввакумъ къ своей женѣ.—Зима еретическая на дворѣ: говорить ли мнѣ или молчать? Связали вы меня!

Но въ женѣ своей Аввакумъ нашелъ достойную сподвижницу.

— Что ты, Петровичъ, говоришь! Азъ тя и съ дѣтьми благословляю: дерзай проповѣдывать слово Божіе попрежнему. А о насъ не тужи: дондеже Богъ изволитъ, живемъ вмѣстѣ, а егда разлучитъ, тогда насъ въ молитвахъ своихъ не забывай! Поди, поди въ церковь, Петровичъ, обличай блудню еретическую.

И ободренный поддержкой любимаго человѣка, Аввакумъ съ прежней силой, съ прежней горячностью и пыломъ начинаетъ обличать «мерзость никоновскихъ исправленій». Онъ ѣдетъ въ Москву и повсюду, гдѣ можетъ, по дорогѣ убѣждаетъ людей стоять непреклонно за правое древнее благочестіе. И могучее слово непоколебимаго страдальца за вѣру глубоко проникаетъ въ сердца людей. Онъ ѣдетъ въ Москву, окруженный славой, пріобрѣтая многочисленныхъ учениковъ, готовыхъ послѣдовать примѣру учителя, готовыхъ въ свою очередь итти на столь же великій подвигъ и принять терновые вѣнцы мучениковъ.

V.

И вотъ Аввакумъ въ Москвѣ. Его возвращеніе носитъ торжественный характеръ. У него уже здѣсь много послѣдователей, которые привѣтствуютъ своего апостола и вождя и въ его возвращеніи видятъ торжество своего дѣла. «Яко ангела пріяше мя»—пишетъ Аввакумъ по поводу этой встрѣчи. Самъ богомольный тишайшій царь Алексѣй несказанно обрадовался пріѣзду своего друга, котораго уважалъ за силу убѣжденій и передъ которымъ преклонялся за его мужество. Слабый и мягкій человѣкъ, царь Алексѣй всецѣло находился подъ вліяніемъ же-

стокосерднаго патріарха. Но прежній «собинный другъ» царя—Никонъ не былъ уже у власти, вотъ почему царь такъ охотно согласился вернуть Аввакума изъ ссылки. Онъ и прежде, не препятствуя Никону налагать наказанія на своихъ противниковъ, всѣми силами старался смягчить участь пострадавшихъ. О возвращеніи Аввакума изъ ссылки старались бояре, которые, возставъ противъ самовластія патріарха Никона и свергнувъ его, думали въ Аввакумѣ найти себѣ могучаго союзника. Но Аввакумъ боролся не противъ Никона, онъ боролся противъ его дѣла. Его заклятый врагъ, всѣми покинутый и безсильный, пребывалъ въ Воскресенскомъ монастырѣ; для Аввакума онъ былъ безопасенъ. Но дѣло его было налицо, съ нимъ-то и приходилось бороться.

По пріѣздѣ въ Москву Аввакума помѣстили въ почетномъ мѣстѣ въ Новодѣвичьемъ подворьѣ въ самомъ Кремлѣ. Царь, казалось, благоволилъ къ нему: отправляясь куда-нибудь со двора, онъ испрашивалъ у протопопа благословеніе. И вотъ, пользуясь такимъ отношеніемъ, Аввакумъ подаетъ царю пространную челобитную:

«Потщися, государь, исторгнути злое и пагубное ученіе, дондеже конечная пагуба на насъ не пріиде», — пишетъ онъ. — «Вѣмъ, яко скорбно тебѣ, государю, отъ докуки нашей... Не сладко и намъ, егда ребра наши ломаютъ и, развязавъ, насъ кнутомъ мучатъ и томятъ на

морозѣ гладомъ. А все церкви ради Божія страдаемъ».

Дожидаясь того времени, когда можно будетъ непосредственно приступить къ дѣлу возстановленія церковной чистоты, Аввакумъ все свое время посвящаетъ заботамъ о своей паствѣ. Онъ сдѣлался главою людей, которые отвергли никоніанскую церковь. Къ нему обращаются за совѣтами и разъясненіями по дѣламъ вѣры со всѣхъ концовъ Россіи, у него гонимые ищутъ утѣшенія въ тяжелыя минуты жизни, ищутъ поддержки въ минуты страданій и колебаній. И для всѣхъ у Аввакума находился совѣтъ. Онъ пишетъ проповѣди и посланія. Онъ пишетъ такъ, что каждый пойметъ его, каждый заинтересуется его посланіемъ. Эти проповѣди имѣли огромный успѣхъ и многихъ отторгнули отъ никоніановской церкви. Такъ, какъ Аввакумъ, писали и говорили тогда немногіе. Это былъ самый выдающійся писатель и проповѣдникъ для своего времени.

Прошло нѣкоторое время, и Аввакумъ вновь подаетъ челобитную царю, въ которой вновь проситъ, чтобы царь «старое благочестіе взыскалъ». Въ то же время и отъ церковныхъ властей на Аввакума стали поступать многочисленныя жалобы, жаловались на то, что онъ своей дѣятельностью въ Москвѣ отвратилъ многихъ отъ церкви. Царь, думая, что Аввакумъ въ концѣ концовъ отступится отъ затѣяннаго дѣла и при-

мирится съ никоніанами, лишь выразилъ недовольство на Аввакума. Но Аввакумъ не дорожилъ выгодами царской дружбы, всего дороже ему было торжество дѣла, въ правоту котораго онъ такъ искренно вѣрилъ. Онъ пишетъ царю новое посланіе и еще съ большимъ жаромъ обличаетъ своихъ враговъ. За это Аввакума постигла новая кара, онъ былъ отправленъ въ ссылку въ Пустозерскій острогъ.

VI.

29-го августа 1664 года Аввакумъ, едва полгода пробывъ въ Москвѣ, долженъ былъ вновь съ семьею отправляться въ дальній путь. Вновь предстояло пережить прежнія страданія, вновь предстояли далекая ссылка, холодъ, голодъ, а быть-можетъ, и мученическая смерть. Не выдержало сердце великаго страдальца. Какъ ни былъ онъ закаленъ въ бѣдствіяхъ, но ужасъ ссылки на далекомъ сѣверѣ, новые ужасы, которые предстояло еще пережить его семьѣ, привели его въ отчаяніе. И онъ изъ Холмогоръ рѣшилъ просить царя о смягченіи своей горькой участи: «Помилуй, ребятишекъ ради моихъ умилосердися ко мнѣ». Онъ проситъ дозволенія остаться въ Холмогорахъ или въ какомъ-нибудь другомъ не столь далекомъ городѣ, какъ Пустозерскъ. Аввакумъ вспоминаетъ сѣверныя зимы, кото-

рыя ему не разъ уже приходилось переносить въ прежней ссылкѣ, зимы съ ужасными морозами и вьюгами и просить царя смилостивиться. «И смущаюся грѣшникъ, чтобы ребятишки на пути не померзли съ нужи... И въ Даурской землѣ у меня два сына отъ нужи умерли...» Это былъ вопль измученнаго страдальца,—единственный разъ не выдержалъ протопопъ... Но тѣмъ не менѣе просьба его не была исполнена; ему лишь ослабили наказаніе—Аввакума отправили въ Мезень.

Но ссылка не уменьшила рвенія Аввакума, минутная слабость прошла, вернулась прежняя бодрость, прежняя сила духа и непоколебимость. Онъ неустанно пишетъ своимъ единомышленникамъ въ Москву изъ далекой ссылки; самъ скорѣе нуждаясь въ поддержкѣ, онъ старается поднять упавшій духъ у тѣхъ, кто начиналъ колебаться подъ вліяніемъ послѣднихъ неудачъ, у кого новая ссылка вождя отнимала послѣднюю надежду на успѣшный исходъ борьбы. Заботясь о московской общинѣ, Аввакумъ въ то же время усиленно проповѣдуетъ у себя въ ссылкѣ, обличаетъ никоніанъ, учитъ твердо стоять за древнее благочестіе и пріобрѣтаетъ все новыхъ и новыхъ сторонниковъ. Грозная и сильная проповѣдь Аввакума разносилась далеко, далеко за предѣлы Мезени. Но между тѣмъ въ Москвѣ готовилось событіе, которое должно было окончательно рѣшить судьбу Аввакума и его единомышленниковъ.

Въ февралѣ 1666 года въ Москвѣ былъ созванъ церковный соборъ, который долженъ былъ рѣшить споръ между патріархомъ и царемъ и распри между тѣми, которые считались православными, и тѣми, которые считались «раскольниками»—ревнителями старины. На этотъ судъ 1-го марта былъ привезенъ и Аввакумъ изъ ссылки. Церковныя власти вновь постарались склонить Аввакума на свою сторону путемъ увѣщаній. Имъ важно было примириться съ вождемъ ревнителей старины, пользующимся такимъ глубокимъ уваженіемъ, такой глубокой любовью народа. Но этого имъ не удалось. Могъ ли Аввакумъ, увѣренный въ своей правотѣ, пойти на уступки? Конечно, нѣтъ! Онъ готовился или къ побѣдѣ или къ мученичеству...

Аввакумъ предсталъ предъ судомъ и здѣсь «покаянія и повиновенія не принесъ, а во всемъ упорствовалъ, еще же и освященный соборъ укорялъ и неправославными называлъ». Аввакумъ былъ лишенъ сана и преданъ проклятію. По постановленію собора до окончательнаго рѣшенія судьбы Аввакума его заключили въ Николо-Угрѣшскій монастырь. Онъ былъ отправленъ туда 15-го мая подъ сильнымъ конвоемъ стрѣльцовъ. Власти боялись народа, и Аввакума везли въ заточеніе ночью, окольными путями, — «болотами да грязью».

VII.

Но и въ тюрьмѣ Аввакумъ продолжалъ свою дѣятельность. Среди стражниковъ находились сочувствовавшіе его проповѣди. Монастырь стали посѣщать въ огромномъ количествѣ богомольцы. Многимъ удавалось повидаться съ заключеннымъ и побесѣдовать съ нимъ. Самъ царь пріѣзжалъ въ монастырь, «около темницы походилъ и, постоявъ, опять пошелъ изъ монастыря»— зайти къ Аввакуму онъ не рѣшился. И здѣсь Аввакумъ былъ опасенъ. Тогда порѣшили отправить его въ болѣе отдаленное мѣсто и пресѣчь возможность входить въ сношенія съ своими единомышленниками. Его отправили въ Боровской монастырь и приказали игумену монастыря «посадить въ тюрьму» и «беречь накрѣпко съ великимъ опасеніемъ, чтобъ онъ съ тюрьмы не ушелъ и дурна никакого бы надъ собою не учинилъ, и чернилъ и бумаги ему не давать, и никого къ нему не пускать». Но и здѣсь Аввакумъ нашелъ себѣ сочувствующихъ; и здѣсь ученики находили доступъ къ учителю, чтобы получить совѣтъ или указаніе.

Много разъ еще пытались власти склонить Аввакума къ уступкамъ. Но все это было безуспѣшно. Когда не помогли слова, ему грозили смертью, но этими угрозами, конечно, еще менѣе могли устрашить мужественнаго протопопа. «Не

грози мнѣ смертью,—отвѣчалъ онъ боярину Матвѣеву на его угрозы,—не боюсь тѣлесныя смерти, но развѣ духовныя». Когда исчезла и послѣдняя надежда на примиреніе, соборъ 1660 года не удовольствовался однимъ проклятіемъ и потребовалъ, чтобъ «еретики» были наказаны и «градскими казнями»... «Служители Христа» требовали тѣлесной казни своимъ духовнымъ противникамъ. Двумъ единомышленникамъ Аввакума, Лазарю и Епифанію, были отрѣзаны языки, Аввакума пощадили и вмѣстѣ съ изувѣченными товарищами отправили въ Пустозерскъ. Колебавшійся царь согласился на рѣшенія собора, но все же въ послѣднюю минуту прислалъ сказать своему бывшему другу, великому подвижнику благочестія: «Гдѣ ты не будешь, не забывай насъ въ молитвахъ своихъ».

И Аввакумъ, дѣйствительно, царя не забывалъ. Изъ далекаго Пустозерска, «изъ темницы, яко во гробѣ», онъ пишетъ новыя посланія царю. Одно изъ нихъ онъ самъ называетъ «послѣднимъ плачевнымъ моленіемъ». Онъ обращался прежде къ царю съ любовью и кротостью; онъ думалъ, что царь виновенъ «токмо простою своею душою», и скорбѣлъ объ его грѣхѣ. Теперь время измѣнило эти отношенія, но суровый обличитель, Аввакумъ, никогда не могъ забыть прежней дружбы. Онъ видѣлъ, что успѣхъ никоніанъ объясняется тѣмъ, что на ихъ сторонѣ стояла правительственная власть. Но можетъ ли пра-

вительство вмѣшиваться въ дѣла вѣры, въ дѣла внутренней совѣсти человѣка? Нѣтъ, и Аввакумъ высказываетъ другую великую мысль для своего времени, мысль, до которой дошли и теперь немногіе. Церковь и государство должны быть раздѣльны. «Въ коихъ правилахъ писано,— спрашиваетъ онъ,—царю церковью владѣть и догматъ измѣнять, святая кадить?» Онъ обличаетъ царя, что тотъ своей властью разрѣшаетъ дѣла вѣры, но обвиняетъ и Никона, который хотѣлъ «святительство» поставить выше «царства». Духовная власть должна заботиться только о спасеніи душъ*). За превышеніе своихъ правъ онъ угрожаетъ царю страшнымъ Христовымъ судомъ и вѣчною погибелью: «Тамъ будетъ и тебѣ тошно, да не пособишь себѣ ни мало. Здѣсь ты намъ праведнаго суда со отступниками не далъ: и ты тамо отвѣщати будеши самъ всѣмъ намъ». «Ты царствуй многа лѣта, а я мучуся многа лѣта: и пойдемъ вмѣстѣ въ домы своя вѣчныя, егда Богъ изволитъ...»

Но «миленный царь»... Алексѣй былъ дорогъ все же Аввакуму. Личныя обиды онъ прощаетъ ему. «Ну, да хотя, государь, меня и собакамъ приказалъ выкинуть, да еще благословляю тя благословеніемъ послѣднимъ». «Прости, Михайловичъ, свѣтъ, даже бы тебѣ вѣдомо было, да никакъ

*) Онъ упрекаетъ царя за строгія мѣры, которыя предпринимаются противъ ревнителей старины, что ихъ лишаютъ церковнаго погребенія и т. д.

не лгу, ниже притворяюсь, тебѣ говорю. Въ темницѣ мнѣ, яко во гробу сидящу, что надобно развѣ? Ей тако». «Нѣтъ, государь,—съ горечью заключаетъ свое посланіе Аввакумъ, — больше покинуть плакать о тебѣ: вижу, не исцѣлить тебя».

Хотя въ Пустозерскѣ узникамъ строго запрещено было видаться съ кѣмъ-либо изъ посторонних и писать, тѣмъ не менѣе, посланія Аввакума къ царю чьими-то таинственными невѣдомыми руками перевозятся въ Москву и передаются по назначенію. Правительство видѣло, что цѣль ссылки не достигается. Оно думало этой ссылкой ослабить движеніе, лишивъ руководителей возможности сноситься съ единомышленниками. Оно думало, что паства безъ пастыря скоро подчинится его волѣ. Не такъ вышло на дѣлѣ. Заключенные въ далекомъ Пустозерскѣ узники находили возможность сноситься со своими учениками и друзьями, раскинутыми во всѣхъ углахъ обширнаго Московскаго государства. Лишившись возможности устно проповѣдывать и обличать никоніановскія власти, они еще болѣе рѣшительно дѣйствовали противъ нихъ въ своихъ безчисленныхъ посланіяхъ. Сама стража, проникнутая уваженіемъ къ заключеннымъ въ Пустозерскѣ мученикамъ, помогаетъ имъ въ разсылкѣ писемъ и посланій. Наконецъ, правительство рѣшило прибѣгнуть къ еще болѣе жестокимъ мѣрамъ наказанія ослушниковъ

своей воли. Заключеннымъ въ Пустозерскѣ Лазарю, Епифанію и Ѳеодору повелѣно было отрубить правыя руки и вырѣзать языки, Аввакума приказано было посадить въ земляную тюрьму и держать на хлѣбѣ и водѣ. Аввакумъ не просилъ для себя пощады, онъ не подвергся казни по просьбѣ своихъ доброжелателей въ Москвѣ, но Аввакумъ не хотѣлъ быть исключеніемъ, онъ жаждалъ раздѣлить участь своихъ товарищей. И когда ему этого не удалось, онъ хотѣлъ уморить себя голодомъ. Еле товарищи уговорили его этого не дѣлать. Заключенный въ земляную тюрьму, въ могилу, превратившись въ «живого мертвеца», какъ самъ себя называлъ Аввакумъ, великій сподвижникъ наложилъ на себя новыя испытанія: онъ снялъ съ себя одежду и нагимъ сидѣлъ въ своемъ холодномъ, сыромъ подземельѣ.

И въ этомъ подземельѣ не кончилась дѣятельность Аввакума. Его подземелье сдѣлалось центромъ, куда изъ разныхъ мѣстъ обращались съ запросами за совѣтами. Изъ своей келліи Аввакумъ до смерти руководилъ общиной ревнителей вѣры. Четырнадцать лѣтъ Аввакумъ пробылъ въ Пустозерскѣ, и эти годы были всѣ посвящены писательской дѣятельности. Здѣсь Аввакумъ написалъ свое знаменитое «Житіе», изъ котораго мы не разъ уже приводили отдѣльныя мѣста. Изъ этихъ мѣстъ можно было видѣть, какъ ярко и образно писалъ Аввакумъ; въ его языкѣ не было ученой

книжности, онъ былъ каждому доступенъ, онъ доступенъ даже теперь, по прошествіи двухсотъ слишкомъ лѣтъ. Это былъ чисто народный языкъ, вотъ почему его проповѣди и посланія пользовались такимъ успѣхомъ. «Свѣтлѣе солнца» были письма Аввакума.

Такъ протекала жизнь пустозерскихъ узниковъ. Проходили годы, совершались въ государствѣ важныя перемѣны, а тяжелому заключенію не предвидѣлся конецъ. Въ это время умеръ царь Алексѣй, и въ 1681 году Аввакумъ обращается съ посланіемъ къ новому царю Ѳеодору. Въ отвѣтъ на это посланіе пришло грозное велѣніе «За великія на царскій домъ хулы сжечь Аввакума и его товарищей».

14 апрѣля 1682 года казнь была приведена въ исполненіе.

Кончилась многострадальная жизнь протопопа, но дѣло его не погибло. Оно живо и нынѣ. Какія мѣры насилія не предпринимало правительство, какимъ гоненіямъ не подвергало послѣдователей Аввакума, оно оказалось безсильнымъ бороться съ тѣмъ народнымъ движеніемъ, за которое въ XVII, XVIII и XIX вѣкахъ люди готовы были жертвовать своею жизнью.